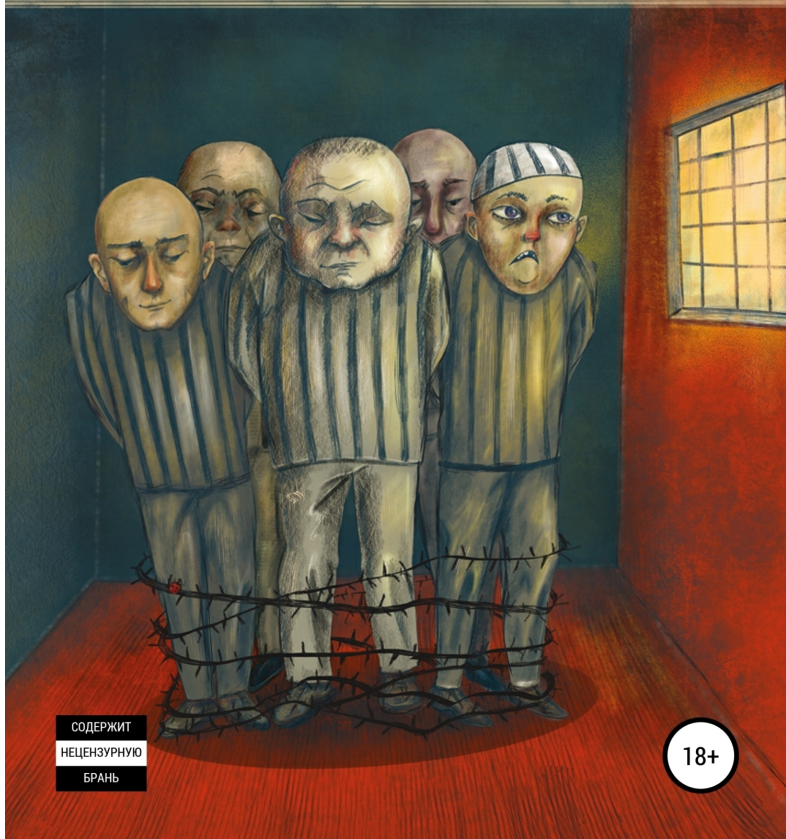

Антон Мухачёв

Запрещённые люди

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Антон Юрьевич Мухачёв

Запрещённые люди

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66271682

SelfPub; 2021

Аннотация

Готовы ли вы к путешествию в параллельный мир? Не в фантастический, а вполне реальный, существующий всего лишь в десятках километров от вас. Конечно, ваш ангел – хранитель не допустит того, что бы вы оказались за решёткой. Но обычный законопослушный человек может попасть в тюрьму в любой момент. Ему даже не обязательно с кем-то драться, воровать или скрывать чужие доходы. Он никогда не рассчитывал туда попасть, но может сесть за руль и всего лишь на секунду отвлечься от дороги. И уже в самое ближайшее время он окажется в одном замкнутом пространстве с разбойниками и людоедами.

Но у вас есть большой плюс – закрыв книгу, вы в любой момент можете снова оказаться дома, в отличие от большинства героев, покидающих свои застенки лишь во сне.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Штурм	4
Пятьсот третий день	8
День рождения – романтичный	20
Жёлтые шары	24
Операция «Айфон»	35
Путешествие в «столыпине»	40
Чифирь	45
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Антон Мухачёв

Запрещённые люди

Штурм

– Штурм! – хрипнула рация. Большой палец вдавил кнопку дверного звонка. Незванный оперативник невольно залюбовался глянцем собственного ногтя. Звонок не работал. Через минуту опер чертыхнулся.

- Ну что там? – затрещал голос майора в рации.
- Никто не открывает, – удручённо ответил опер.
- Бл...! Конец связи!

Молодые оперативники из группы захвата расслабились и подпёрли плечами стены подъезда. На ступеньке лестничного пролёта сидели, прижавшись друг к другу, две девушки. Надо же было так влипнуть! Возвращались с дискотеки и неожиданно для себя стали понятыми. Травма отпускала, клонило в сон и было страшно. Из разговора оперативников они знали, что за дверью скрывается опасный преступник-экстремист.

Вдруг приоткрылась соседняя дверь, и из-за неё показалось сморщенное лицо старушки с жёлтыми белками глаз.

– Да дома они, дома! – проскрипела бабка. – Никто никуда не уходил, я бы заметила. Стучите громче!

С этими словами она скрылась за дверью, но захлопнуть её не смогла из-за просунутого ботинка оперативника.

– Бабуся, кофейком угости!

Перед металлической дверью, обитой дерматином, вот уже полчаса сидел на корточках старший лейтенант в штатском и заглядывал в замочную скважину. В щёлку было видно кухню, в окне которой сумерки постепенно сменялись ярким рассветом. Большой стол занимал всё пространство. Больше ничего разглядеть не удавалось. Лейтенант сменил уставший глаз. Он представлял, будто смотрит сквозь оптический прицел, но вопрос подошедшего майора вернул его в реальность старого подъезда.

– Ну что там?

– Пока ничего, – ответил лейтенант и стал кричать в замочную скважину: – Флай! Антон! Ну открой, ты же дома, мы знаем!

Его глаз снова прильнул к двери, а рука забарабанила по дерматину, выбивая ритм популярной мелодии.

– Не вздумай покинуть наблюдательный пост, – приказал майор. – А я за слесарем пойду.

Неизвестно что подумал лейтенант, но вслух буркнул:

– Есть не покидать пост. Флай, открывай! – снова застучал кулак.

На девятом этаже проскрежетали двери лифта. Из него вышел участковый со слесарем местного ДЭЗа. Девушки принялись канючить:

– Может, мы домой пойдём? Спать хотим, в туалет надо.

– Сидеть! – раздражённо рявкнул подошедший майор. Он явно не предполагал, что «штурм» так затянется. По другим адресам уже два часа шли обыски, у него же как-то не заладилось с утра. – Вот эта дверь, – ткнул он пальцем, – вскрывайте!

– Документик бы, – замялся слесарь, глядя в пол.

На лбу майора выступила испарина, глаза стали краснеть. От скандала с избиением спас участковый. Что-то шепнул слесарю на ухо и подтолкнул к двери. Слесарь достал инструмент и принялся ковырять замок.

Оперативник докладывал майору:

– Объект в помещении! Зашёл на кухню, поджарил яичницу, посидел за ноутбуком, съел яичницу, показал мне язык и скрылся из сектора обзора. Разрешите идти?

– Вали отдыхай, а то переутомился, смотрю, – так же по форме ответил майор, – и позови группу захвата, будем объекту язык вырывать.

Себе его вырви, подумал старлей, но вслух гаркнул:

– Есть вызывать группу захвата!

В квартиру кубарем вкатились два худощавых опера с пэ-эмками в потных ладонях.

– Чисто! – просипел первый, заглянув на кухню.

– Чисто! – отозвался эхом второй из туалета.

Перед ними была закрытая дверь в спальню. Из груди рвалось сердце, перед глазами промелькнуло беззаботное дет-

ство.

– Давай! – шепнул первый.

– Почему я? – засомневался второй.

Сзади тихо подошёл майор с чёрной папкой, прижатой к груди:

– Вперёд, – кивком головы приказал он.

Дверь в спальню распахнулась, оба опера влетели в небольшую уютную комнату и застыли на пороге. На широкой, аккуратно застеленной пледом кровати сидела счастливая молодая семья: папа, мама и маленькая дочь. Они играли в нарды. Девочка кинула кубики.

– Твой ход, – произнёс молодой человек и поднял взгляд на оторопевших оперативников. – Здравствуйте, а вы кто?

Из-за спин выглядывал майор. Он смотрел на экран включённого телевизора. Там с нескольких скрытых видеокамер, установленных в подъезде и коридоре, демонстрировалось лайв-шоу «Бархатная контрреволюция».

– Ну, сука! – выдавил майор. – На пол всех!

Пятьсот третий день

– Подъём! Взгляд упёрся в потолок. Пару секунд я вспоминаю, где нахожусь. Яркий свет режет глаза. Давно мечтаю выспаться в полной темноте. Впрочем – к чёрту мечты, день начался.

Просыпаюсь быстро, за полтора года наловчился. Прежде любил понежиться в постели, раз за разом переводя будильник. Теперь будильник в прошлой жизни, как и многое другое.

Пока мозг загружается, тело уже выскочило из-под тонкого одеяла в зелёную клетку. Оно не очень греет, но в отличие от распространённых здесь тёмно-синих мрачных покрывал моё радует ярким цветом. Когда-то я смог выменять его у соседа, добавив к одеялу тёплые носки. Чтобы не замерзать по ночам, поверх кидаю куртку.

В камере свежо, ещё чуть-чуть и было бы холодно. Быстро натягиваю комплект термобелья, белую футболку, шорты, шерстяные носки. Застилаю кровать, здесь её название – «шконка». Я недолюбливаю тюремный сленг. Но некоторые названия очень точно отражают местную жизнь. Вот и хлопают «на продолах» «кормушки», а «дубаки» будят сонных бедолаг.

Когда очередь доходит и до нашей двери, моя койка уже заправлена, я полностью одет и в руках держу письма на от-

правку. В квадратную «кормушку» заглядывает блондинка, с улыбкой докладывает, что утро нынче доброе. Я не возражаю и улыбаюсь в ответ.

Сосед продолжает дрыхнуть. Под ворохом одежды его не видно. Те, кто сидит недолго, на утренние призывы не реагируют. Но если валяться под одеялом, дежурные начинают долбиться в толстую металлическую дверь, издавая громкие и неприятные звуки. Сосед – человек военный, и я кричу: «Рота, подъём!»

Из-под груды китайского текстиля выглядывает китайская голова. Некоторое время сосед соображает, куда его закинула нелёгкая, глаза сквозь узкие щёлки тупо оглядывают стены. Уж сколько раз я видел этот взгляд! Наконец сосед меня узнаёт и улыбается:

– Ни хао!

– И тебе не хворать.

Брови на жёлтом лице отсутствуют, китаец их сбывает.

Я протягиваю руку и включаю электрочайник. В нашей бетонной клетушке со светло-розовыми стенами практически всё можно достать, лишь протянув руку. Пять-шесть шагов от двери до койки соседа по узкому проходу между моим ложе и приваренной к полу партой со скамейкой – вот и вся жилплощадь.

Пока закипает чайник, я «принимаю ванну». Набираю в пригоршню ледяную воду – будь она немного холоднее, из крана сыпались бы кубики льда. Ныряю в ладони, ух! Не

давая себе опомниться, повторяю экзекуцию несколько раз, смывая остатки сна в канализацию. Над рукомойником полочка из оргстекла, на ней гигиенические принадлежности на две персоны: русскую и китайскую. Моя зубная щётка, как ветерана этой «хаты», – справа, ей в туалет не упасть. Щётка же китайца периодически срывается на встречу с «дальняком». Назвать жестяной конус с круглой крышкой как-то иначе невозможно.

Я всматриваюсь в тусклое зеркальце над полкой. Оттуда мне подмигивает вечно довольный чеширский кот.

Чайник щёлкнул. Сосед натянул на глаза шапочку и залез под тряпье досматривать пекинские грёзы.

Наливаю в пузатую пластиковую чашку кипяток, солю воду. Пока она остывает, растираю ладони и вены на руках. Костяшками пальцев тру лицо, затылок, шею, щиплю себя за уши, давлю пальцами в ладони – разгоняю кровь. Зарядка. Минут через пять выпиваю тёплую воду – доброе утро, желудок! Полгода тому назад я сидел с помешанным на здоровье пожилым китайцем. Тот решил жить минимум сто лет, и в свой полтинник выглядел лучше многих молодых. Я быстро перенял некоторые его хитрости и теперь неукоснительно им следую. В обмен на древние знания я научил китайца ругаться матом.

Включаю телевизор. Он стоит на холодильнике прямо напротив «дальняка». Знаковое соседство. Переключаю каналы, ищу показания температуры за бортом. Скоро откроется

«кормушка» и нас спросят, идём ли мы гулять. Я никогда не отказывался от прогулки, но у жителя Поднебесной шмотьё явно не рассчитано на русскую зиму. Поэтому при ниже двадцати мы во дворик не ходоки, мёрзнем в «хате». Мои рассказы о Норильске с его «сорокетом» мороза на солнце сосед принимает за научную фантастику. Сегодня минус пятнадцать. Я громко объявляю показания – китаец в ответ стоит. Это согласие.

Смотрю на постель, она искушает прилечь. Никто и ничто не мешает мне спать здесь хоть сутки напролёт. Многие этим пользуются, отсыпаясь за всю жизнь. Но я вредничаю. Чтобы здесь жить – нужна борьба. Для борьбы необходим враг. Я нашёл его в своей лени. Ежеминутное противостояние поддерживает тонус, что мне и требуется. Леня бессмертна, но её можно перехитрить, чем я и занимаюсь.

Размышления прерывает лязг «кормушки». В неё заглядывает голова в очках:

– Гуляем?

– Конечно!

– На улице почти двадцать, – с сомнением говорит капитан, – точно идёте?

Я улыбаюсь, разворачиваю телевизор и тыкаю пальцем в экран. «Кормушка» с треском захлопывается. Чем меньше людей гуляет, тем скорее он освободится. Поэтому летом арестанты слушают рассказы об ужасах смога от горящих торфяников, осенью в прогулочных двориках хозяйничают

ураганы, зимой, естественно, жуткий мороз.

Врубаю погромче музыкальный канал. Для утренней побудки телик годится, в остальное время он выключен. Китаец ворочается, завтрак на подходе, прогулка неотвратимо грядёт. Он бы и рад не идти, но кто его спрашивает? Всё равно теплолюбивый азиат в камере мёрзнет – его стена под окном чуть ли не вся покрыта инеем, а сквозняки «сифоняют» из окна прямо над ним.

Сосед плетётся к умывальнику, я сажусь на койку. Здесь один встаёт – второй садится. А ведь, бывало, жили на этих метрах и втроём. Китаец старше меня лет на десять, но ниже ростом и слабее. Суетлив, хитёр и трудолюбив как муравей. По вечерам поёт. Постоянно забываю его сложное и смешное имя, поэтому зову соседа просто: «товарищ китаец».

В коридоре послышался металлический лязг тележки – развозят завтрак. Смотрю в меню. Овсянка! Если добавить ложку мёда, то можно есть.

Питаюсь на своей койке. За узким столиком-партой разместиться вдвоём сложно, да и привыкнуть к громкому чавканью возле уха я никак не могу. Мои попытки перевоспитать взрослого человека, привив ему элементы простейшего этикета, провалились. Он просто не понимает, как это – есть с закрытым ртом. Списываю на особенности культурных традиций.

Стук ложек об эмаль казённых мисок был недолог. Дверь открылась, приглашая на выгул. Товарищ китаец вскакивает,

суетливо одевается, задевает свою миску с остатками каши, она с грохотом падает на пол. Он причитает, начинает собирать кашу. Мы с инспектором стоим и молча ждём. Дежурные привыкли ко всему, я медитирую. Наконец, натянув на себя вещи, товарищ китаец подсказывает к выходу. Я молча киваю ему на окно. Он бежит назад, лезет в ботинках на своё одеяло, дёргает форточку. «Хату» надо проветривать.

Мягко ступаем по коврам, тихо шелестит лифт – это Лефортово. Сегодня хороший день – нам достался самый большой дворик. В нём можно бегать по кругу, как на ипподроме. Пара километров трусцой, следом десятков асан йоги и растяжка – на всё час прогулки. Громкое радио над головой вещает об ужасах геморроя, мешает общаться с соседними двориками. Но иногда всё же перекрикиваемся.

Сосед, в лучших традициях своей цивилизации, копирует мои действия. Поначалу я даже решил, что он дразнится, но нет, видно, просто не хочет замёрзнуть. Йога выходит у него коряво и смешно, но он серьёзен и старается. Когда-то я поинтересовался у соседа, почему в кино все китайцы занимаются у-шу, йогой или карате, а в Лефортово все китайцы такие неуклюжие. Он ответил мне:

– Нас полтора миллиарда, и все мы разные.

А по мне так на одно лицо.

Замёрзнуть не успеваем. От тел валит пар. В камере продолжаем заниматься, и до обеда «хата» преобразуется в спортзал. Вместо тренажёров и гантелей – койки, полотен-

ца, бутылки с солью и водой. Недавно научил соседа стоять вниз головой у стенки – тот радовался как ребёнок. Пыхтим, кряхтим, потеем. Смотрю, как он отжимается, спрашиваю:

– А на кулаках слабо?

Пол бетонный, китаец нежный. Что такое «слабо» – делает вид, что не понимает. Я показываю, он пробует, но не получается. Больно. Я вхожу в кураж:

– Так! Ты же монах Шаолинь! Ну-ка, вставай на кулаки!

Он снова пытается. Ему больно. Я удивлён, завожусь. Мне плевать на его способности, но ведь он – монах Шаолинь. Я в это верю всей душой и от него уже не отстану. Падаю рядом на кулаки, подпрыгиваю на них.

– Это же просто, попробуй. Больно – так терпи!

Он стонет, не получается. Умоляет:

– Я сначала на газетке попробую.

Я кричу ему в лицо:

– На хер газету! Вставай! Ты что, баба? Китайская баба? Ты же Шаолинь! Ну, давай, б...!

Он становится на кулаки. Его лицо краснеет, морщится. Ещё не монах, но уже почти самурай. Он стонет, но терпит. Я ору прямо в ухо:

– Терпи, китаёза!

Прыгаю перед ним на кулаках, сбиваю их в кровь. В стены камеры начинают стучать, похоже, соседи думают, что здесь убивают. Китаец падает грудью на пол, я рядом. Мы смеёмся.

– Ну вот, а ты боялся. Ты же Шаолинь!

– Халасо, – слышу в ответ, – осень халасо.

Он счастлив. Или умело притворяется.

Я заполняю таблицу достижений. Каждый последующий месяц должен быть не хуже предыдущего. Благодаря этому я умудрился сесть в шпагат и отжимаюсь сотку. На воле подобное мне казалось недостижимым.

Сосед разглядывает себя в зеркале. Позанимается чуток и бежит, любитесь. Редкостный тип. На театральных подмостках был бы успешнее, чем в армии. Я говорю ему об этом, он по-китайски ругается – не любит вспоминать, из-за чего сюда влетел. Вот-вот, давяю я на рану, выступал бы в Пекинской опере, не сидел бы в Лефортовской.

Время подкрадывается к обеду. После упорных трудов и помывки в раковине чувствуешь себя живым человеком. Появляется желание творить, к чему-то приложиться, что-нибудь свернуть. Хочется просто жить. Но на восьми квадратах выбор дел невелик. До обеда полчаса, может, поваляться? Пока думал, уже лежу. Лень почувяла шанс и обвила тело липкими ручонками, намертво прижав его к матрасу. Шепчет: «Закрой глаза, вздремни...» Стоит поддаться, забыть на день о «движухе», – и вырваться из круглосуточной дремоты очень сложно. А может, действительно, поспать?

Вскакиваю рывком, включаю чайник. Спасение в кофе. В банный день лакоплюсь заварным, но сегодня растворимый. Что угодно, только не лежать!

Аромат достиг китайских ноздрей. Сосед засуетился, де-

лает вид, что чем-то озабочен. Как назло, он тоже любитель кофеина. «Шкериться» в одиночку, как некоторые местные персонажи, не могу. Выдаю ему из золотого фонда порцию кофе. Он опять счастлив и показательно молится. Сидим, пьём. Тихо зазвучала китайская народная, я закрываю глаза. Как же меня всё достало!

Мгновение спустя я уже улыбаюсь. Китаец громко срыгнул и пролил на яйца кипяток, ожесточённо матерится по-русски.

Обед. Щедрый ФСИН разорился на кислые щи, пюре и кошачью рыбу. Мною введён режим профилактики заболеваний. Китаец лезет в «погреб» за чесноком. Я, как главный агроном, поднимаюсь в «оранжерею» с одноразовым ножом наперевес. Над телевизором – полка для ТВ. Задумка хорошая, исполнение для отчётности. Телик на полку не влазит, стоит под ней. Зато в «хате» есть чудесная антресоль, часть которой отведена под теплицу. В ней прорастает чеснок, почти черемша. Живая зелень радует глаз и для организма полезно.

Во время обеда стараюсь не замечать чавкающие звуки. Думаю о вечном.

После приёма пищи устраиваюсь на койке поудобнее. В руках – свежая пресса. Борюсь с тяжёлой головой, клонит в сон, но если сбить график и вздремнуть, то всю ночь буду гонять мысли о воле – хуже мучений нет. Спасает кофе или крепкий чай. Китаец моет полы.

Как и любое живое существо, мой сосед имеет определённые положительные качества. Он любит убираться. Свой фанатизм объясняет тем, что пока работает, не думает о тюрьме. Здесь принято убираться по очереди, но он так настаивал, что я не смог ему отказать. Полов у нас мало. Китаец моет и стены, и сантехнику, и кое-где дотягивается до потолка. Он оглядывается в поисках нечистот, не находит, грустно вздыхает и идёт спать до ужина. Тишина, время учёбы.

Я беру с полки учебники, словари, тетрадки и углубляюсь в инфинитивы, неправильные глаголы и прочую дребедень. С памятью у меня проблемы, друзья когда-то шутили, что я никого не сдам, потому как явки и пароли всё равно не помню. Чтобы как-то развить мозг, стал учить стихи. В результате вызубрил избранное Есенина, но на английские слова памяти так и не хватило. Ничего, времени предостаточно. Я обязан выйти из тюрьмы умнее, сильнее и, желательно, поскорее.

Вскоре опять гремит тележка, на этот раз с ужином. Заглядываю в меню – несъедобно ни при каких условиях. Сво-рачиваю свой университет, освобождаю парту китайцу и перебираюсь на кровать, прихватив пару бутербродов, чай и Достоевского. Сосед всеядный, и он со смаком уминает обе порции. Как в него всё это лезет? Прячусь от его чавканья в мрачную рефлексию XIX века.

То, что наступил вечер, я понимаю по тоскливым звукам от соседа. Концерт в нашей камере ежевечерне, репертуар

ограничен, я единственный зритель. Но, зараза, хорошо поёт! Иногда ему аплодируют даже из-за дверей, хотя чаще стучат по металлу ключом и ругаются. После десятой песни о трудном социалистическом пути молодой китайской республики я настаиваю на изменении языка трансляции. Он без проблем переходит на «Катюшу», молодого казака и «Подмосковные вечера», правда, с жутким искажением ударений и слов. Но берёт за душу не столько голосом, сколько артистизмом. Китаец изображает и старого монаха, и юного красноармейца, он то «умирает», сражённый пулей, то извивается на полу весенним ручьём. Я наслаждаюсь зрелищем.

Вдруг он скидывает руки и громко молится. После чего предлагает партию в шахматы. Я играю без ферзя, ему так интереснее.

За полчаса до отбоя приносят письма, и это счастливейший момент. Помогаю китайцу поставить мне мат, счастливый сосед затихает с газетами на койке, а я проваливаюсь в вольную жизнь писем. Впереди полночи эмоций.

Но день не может закончиться, пока не будут выполнены все ритуалы. Так заведено в моём мире, и я в нём хозяин!

Наполняю тазик горячей и подсоленной водой. С тихим блаженством погружаю туда ноги. Они устали. Мы греемся.

Я вычёркиваю из календаря сегодняшнее число, день официально закончен. Сажусь за письма. Время исчезает. Бывает, что вновь оно появляется лишь под утро. Но в этот раз я справился быстрее, и вот уже несколько конвертов, во-

бравшие часть моей души, готовы к отправке.

Чайник. Вода. Зубы. Чеширский кот в зеркале. Постель. Нет, ещё не сон. Для начала надо изогнуться так, чтобы тело, как фигура в тетрисе, максимально комфортно улеглось между жёстких бугров матраса.

Смотрю на лампу – как же я её ненавижу! А если накрыться с головой – душно. Когда же я усну дома в темноте? Пока вспоминал домашний уют, дежурный сжалился и выключил свет. Странно, такого никогда не было. Но темнота не крошечная, слабый огонёк высвечивает чей-то знакомый силуэт. Я встаю с кровати, делаю шаг навстречу своей мечте, но внимание отвлекает шипящая сковорода с жареной картошкой.

До подъёма ещё несколько часов. Я всё успею.

День рождения – романтичный

35 лет

29.12.2011

Лефортово – Медведково

Утро не предполагало приключений. Мысль о дне рождения, конечно, радовала, но как-то буднично. Во-первых, в камере Лефортово я встречаю уже третью днюху. Во-вторых, меня давно тут всё задолбало. Почти тысяча дней на восьми метрах без уединения и горячей воды. Намедни суд влил мне девять лет общего режима, и меня слегка пугала неизвестность предстоящего этапа. Ну и какой тут праздник?

Однако сегодня ожидалась передача. В груди было мягко, желудок замер в предвкушении. Ухо бывшего арестанта всегда распознает звук упавшего за дверь мешка. Бывало, в камере сидели два опытных, и они оба ожидали передач. Когда шелест за металлом дверей возвещал о грузе, начинались гадания – чей мешок.

И вдруг открывается кормушка, и в неё неожиданно кричат: «На эм!» Фамилию здесь никогда не называли, не «палили» сидельцев. «Да-да, вы! Собирайте вещи, на выход!»

Этап? А мешок?!

Переезд – это пожар. Вещей за несколько лет тюрьмы – две тележки. Только личных книг на полторы. Дарю пухлому соседу всё, что могу ему всунуть, но уже через пять минут

я стою в тюремном складе перед горой вещей. Тут есть даже маленький холодильник. Я без разбора рассовываю шмотье по сумкам и пакетам, холодильник «забываю» на входе, и немного позже набитый автозак мчит меня в неизвестность.

СИЗО «Медведково». Самый большой изолятор в России. Я же – лефортовский, из тюрьмы режимной. Что такое «чёрный ход» – я без понятия, а «Медведя» именно такие. Впрочем, мне было скорее любопытно, чем страшно.

Засунули в так называемую «сборку» – большое помещение с ржавым умывальником и разбитым, жутко вонючим туалетом. Тут арестант ждёт автозак или, наоборот, конвой для возврата в камеру после поездки в суд. Через «сборку» проходят и этапники, как только уезжающие по лагерям, так и этапируемые оттуда на какую-нибудь «раскрутку». В лефортовской «сборке» арестанты всегда сидели по одному – изоляция абсолютная. Здесь же меня впихнули в комнату с двумя десятками человек.

Внимание на меня не обратили. В этом СИЗО огромный круговорот людей, местная «сборка» как сервер. Здесь меняются вещами, передают «запреты», делятся новостями и иногда бьют обнаруживших себя «козлов». Лишь только ближайшие зэки у стены, куда я подтащил свои сумки, проявили ко мне интерес. Познакомились, обменялись статьями, поудивлялись над моим «экстремизмом». Узнали возраст, тут я и ляпнул про днюху. И понеслось!

«О-о-о, братуха, с праздником! Так давай чифирнём!

Братва, у нас тут именинник!»

Меня начали хлопать по плечам, и я вспомнил об огромных запасах конфет. Один из братьев Картоевых, что всей семьёй обвинялись в терроризме, подарил мне когда-то целый куль леденцов. У ингушских братьев этих конфет всегда было столько, что всё Лефортово их таскало туда-сюда по камерам, так как никто их и не ел. Сейчас же всё разлетелось в миг.

Я ещё не успел раздать вторую пачку, теперь уже шоколадных конфет, как опытные зэки стали «поднимать чифирь». На плечи скалообразного бандита залез ловкий парнишка, с виду малолетка. Он выкрутил в одном из светильников лампочку и приспособил к патрону кипятильник с обрезанной вилкой. Снизу ему протянули большую кружку с водой и дешёвым чаем.

Я вдохновенно наблюдал за ритуалом.

Через пять минут в кружке забулькало, и лысый бандит флегматично пробасил: «Эй, мне на голову льётся кипяток».

«Ой, б...!» – воскликнули наверху и выдернули провод. Едва кружку передали вниз, как дверь распахнулась, и инспектор выкрикнул с десятков фамилий. Среди названных был и огромный арестант. «Ну ладно, поздравляю!» – пожал он мне руку и исчез за дверью.

Бра́ тина с едкой заваркой пошла по кругу. Мне стали желать здоровья и фарта.

Лицо растянулось в улыбке. Я в параллельном мире!

С днём рождения!

Жёлтые шары

За тонкой жестяной перегородкой громко икал педофил. Фургон подпрыгнул на ухабе, и зэки сквозь прочифирённые зубы закастеровали дороги, водителя и свою жизнь.

Я ехал в суд на «последнее слово». За спиной мелькнули лефортовские годы, но ни о речи в суде, ни о грядущем сроке я не задумывался. Смена обстановки дарила новые впечатления, столь важные для замурованных в склепе.

Мне нравятся автозаки, эти калейдоскопы судеб с терпким запахом дешёвого табака и потного горя. За пару часов тряски успеваешь познакомиться, пообщаться, пожелать удачи и навсегда расстаться. Людей я разглядываю в упор. Знакомлюсь с теми, кто взглядом бросает мне вызов или улыбается. Иногда возникают конфликты, и улыбаюсь уже я.

У выхода, ближе к чистому воздуху полулежат «блатные». Много-телесный грузин развалился на лавке, из-под мясистых век разглядывает свободу. Его синерукая свита смеётся рядом и что-то ему нашёптывает. От них и до конца фургона, плечом к плечу на двух лавках сидим все мы – мужики, бедолаги, спецконтингент.

Проход узкий, и колени упрутся в сидящего напротив попутчика. Он рассматривает меня уставшими серыми глазами, кивает в такт качки, будто мы уже начали общаться. Я играю в старинную забаву «Угадай кто?». Крупная челюсть с

глубокой рытвиной, рассекающей подбородок, – убедить его нелегко. Вздёрнутые морщинки у глаз – ценит юмор. Жёлтая щётка густых усов – много курит, но сейчас терпит или бросил. Покатые плечи обтянуты свитером, кисть руки – как мои две.

«Военный!» – подумал я и не ошибся.

Автозак снова тряхнуло, и я ударился о соседа, возможно, чуть сильнее, чем следовало бы для знакомства.

– Извините, не специально! – чётко выговорил я.

Спустя мгновение мы уже познакомились.

– Семён Григорьевич!

– Я Антон! А вы где работали, если не секрет?

– Не секрет, – улыбнулся он, – в спецслужбе.

Я оглянулся в сторону «блатных». Они были заняты собой и вниманием нас не удостоили, но соседи замерли. Бывших сотрудников обычно возят отдельно, но безопасность педофилов стране важнее, и из-за нехватки мест мой новый знакомый ехал среди всех. Впрочем, за себя он не волновался.

Слово за слово – часы застыли, воображение унесло меня в чужой мир.

* * *

Детство Семёна Григорьевича прошло в грёзах об овчарках и пограничниках. Призыв в армию и отец – вечный прапорщик – помогли осуществиться заветной детской мечте.

Служить новобранца отправили на границу Советского Союза. Связав жизнь с армией, Семён Григорьевич исколесил необъятную страну по всему её периметру. Таджикистан – героиновые стычки. Дальний Восток – контрабанда крабов. Прибалтика – незаконный вывоз янтаря. Непробиваемой стеной был Семён Григорьевич на пути преступности, и годами служил Родине, как та овчарка из его детских фантазий. Развал страны застал его за полярным кругом, где он приобщился к медицинскому спирту под рыбную строганину. За месяц до пенсии пограничные войска переподчинили спецслужбам. Уйти на заслуженный отдых Контора не мешала. Более того, оказав положенные за выслугу лет почести, предложила пенсионеру непыльную должность. И не где-нибудь, а в Москве. Утомившись от вечных скитаний, Семён Григорьевич с облегчением уселся в кресло вахтёра в здании недалеко от СИЗО «Лефортово».

Рабочий день Семёна Григорьевича насыщен интересными событиями не был, при этом от вахтёра требовались усидчивость и повышенное внимание к исполнению необходимых его функций. Спустя несколько лет безупречной выдачи ключей Семёна Григорьевича повысили. Удивительно, но даже у вахтёров есть своя карьерная лестница. Руководство оценило пунктуальность и стойкость нервной системы Семёна Григорьевича и перевело его с внешней на внутреннюю вахту. О наличии ещё одной проходной он даже не подозревал. На старом же месте руководство решило ввести элек-

тронную систему пропусков.

Новое рабочее место напомнило Семёну Григорьевичу библиотеку, где в детстве он зачитывался романами о пограничниках. Книг тут не было, но сходство и ностальгию вызвали ряды выдвижных ящиков с номерами. Вместо книжной картотеки в ящиках лежали жёлтые и синие шары.

Цифры на боку каждого шара вызвали в памяти Семёна Григорьевича воспоминания о победах в бильярдных поединках армейской юности. И хотя размер и вес шара были ближе к мячику для пинг-понга, Семён Григорьевич мысленно настаивал на сходстве с бильярдом, так как пинг-понг не уважал и считал китайской забавой.

Разноцветный инвентарь был полый и при небольшом усилии раскручивался на две половинки. Точнее, Семён Григорьевич предполагал, что шар можно раскрыть, не прикладывая особых усилий, так как новая должностная инструкция строго воспрещала ему заглядывать внутрь. В ящиках шары лежали, как яйца в холодильнике – кататься и биться друг о друга им не давали ложбинки на дне. Каждое утро сотрудники Конторы сдавали в окошко вахты жёлтые шары и под роспись получали синие. В конце рабочего дня всё происходило в обратном порядке – синие шары обменивались на жёлтые.

Год проходил за годом, искушение разъедало душу пенсионера. Всю жизнь отслуживший в строгом подчинении и ни разу не нарушивший приказ, Семён Григорьевич и пред-

ставить не мог, что на старости лет его поразит недуг, так свойственный женщинам и муравьям, – любопытство. В тысячный раз бывший борец с контрабандой доставал шар и тряс его возле уха, гадая о содержимом. Что бы там ни было, оно издавало сухой звук ядрышка в абрикосовой косточке. Семён Григорьевич вздыхал и, не решаясь на должностное преступление, убирал шар в ящик.

– У моей благоверной, – рассказывал Семён Григорьевич уже небольшой группе эков, – обнаружили рак, чтоб его разорвало... Детей у нас с Зоей нет – разъезды по стране, потом и возраст. Сослуживцы – кто спился, у кого свои проблемы, в общем, денег в долг никто дать не смог, да и вернуть их вряд ли сумел бы. По той же причине я не хотел и с кредитами связываться, но потом уже и решился вроде бы, будь что будет, лишь бы рак облучить, чтоб он сдох... И тут деньги сами нашли меня.

– Любил я после работы зайти в пивнушку возле дома, – продолжал рассказ Семён Григорьевич. – Такая, знаешь, советская. Наша. Круглые стойки, большие бокалы, местные ханурики и вечные недоливы. И вот, стою я как-то, чищу тарань, рядом оседает в бокале пена – предвкушаю!

Семён Григорьевич на миг прикрыл глаза, причмокнул и вздохнул.

– Подходит к столу мужчина, в руках по две кружки, и со стуком ставит их на стойку. Я смотрю – ба! – да это Степан из нашего Управления. Я удивился: он-то холёный, одет не по

зарплате, среди местной публики выделяется – что он здесь забыл? Это потом я допетрил, что не случайно он мимо проходил, а тогда мне не до подозрений было – все мысли о Зое. Кружка за кружкой, он угощает, я не против. Степан молодой, румянец на щеках, пальчики тонкие, но уже капитан. Кабинетный, конечно же... Короче, пиво-рыба, развязались языки, ругаем от начальства до правительства. Тут-то, чёрт меня дери, спросил я Степана, что же в шарах лежит, ведь и он ими пользуется.

– Семён Григорьевич! – удивлённо воскликнул Степан. – Столько лет у нас и не в курсе темы?

Я напомнил Степану о своих должностных инструкциях, но тот в ответ рассмеялся, словно подавился чешуёй, и, хлопнув меня по плечу, громко зашептал, чуть ли не зашипел:

– Баш на баш, Семён Григорьевич. За мою откровенность я вас кое о чём попрошу. Баш на баш!

Степан убрал полупьяную улыбку, стал серьёзен, будто нескольких бокалов пива и не было.

– Вы заметили, что в последнее время вам очень редко сдают синие шары и почти не берут жёлтые?

– Уже год, как пыль стираю, – кивнул я. – Так что в них? И что за предложение?

– Вам нужны деньги, Семён Григорьевич? – вопросом на вопрос извернулся Степан. Он явно тянул момент, даже достал носовой платок с вышитым вензелем и стал им вытирать руки и полировать ногти.

Давно, очень давно я не слышал подобного предложения. В бытность службы моей в погранвойсках, пойманные курьеры не раз сулили деньги. Немалые деньги. Но не брал, ни грех на душу, ни взятки. Однако всё изменилось. Сначала страна, следом люди, затем обстоятельства. Я подумал о детях, которых нет, и о жене, которой скоро может не стать. И не выдержал!

– Да, нужны деньги, чёрт их дери! – выкрикнул я и осёкся. – Что я должен делать? И, в конце концов, что в шарах-то?

Уголки губ Степана дёрнулись в лёгкой ухмылке, он закатил глаза, будто вспоминая, и принялся монотонно, как по учебнику, перечислять:

– Жёлтые шары. По номерам от одного до пяти соответственно: первый – Совесть; второй – Честь; третий – Достоинство; четвёртый – Справедливость; пятый – Сочувствие.

– Синие шары. По номерам от одного до пяти соответственно: первый – Подчинение; второй – Бессердечность; третий – Хитрость; четвёртый – Беспринципность; пятый – Жестокость.

– Что-что? – поперхнулся я пивом.

– Да, Семён Григорьевич, именно то, что вы слышали! – Степан наслаждался произведённым впечатлением. – Каждый из нас обладает теми или иными чертами характера, в зависимости от воспитания и даже генетической памяти. Но чаще всего характеру присущи все перечисленные мною ка-

чества в той или иной мере. Из неё и состоит сама личность человека. Но вы же понимаете, человек и сотрудник силового ведомства – это не одно и то же. Мы не можем позволить себе на работе человечность или, как нынче модно говорить, гуманность. Или, думаете, на допросах, особенно допросах с пристрастием, мы имеем право проявлять слабость, позволив той же совести овладеть холодным разумом? Много ли мы с помощью чести раскрыли бы заговоров или, проявив сочувствие, посадили бы за решётку бунтарей и шпионов?

– Я... я не думаю... – моя голова гудела и мысли спотыкались.

– А вам и не надо думать! – перебил Степан.

В его голосе зазвучал металл.

– Раньше мы ежедневно получали синтезированные качества, необходимые для нашей работы, и сдавали их вам на хранение, чтобы выходить в мир человеческими. Но жизнь меняется, и не в лучшую сторону: смутьянов и недовольных всё больше. Мы теперь не можем расслабиться даже в постели! У многих из нас даже жёны оказались в оппозиции, вы можете представить? Только жестокость и бессердечность дают нам силы гнать этих сук из дома и служить Родине круглосуточно!

Степан опрокинул кружку, допил остатки пива и с такой силой стукнул ею об стойку, что у кружки откололась ручка.

Пора заканчивать этот безумный разговор, – подумал я, и решил попрощаться со Степаном. Но тут он снова понизил

голос и зашептал:

– Я предлагаю вам по сто долларов за начинку из комплекта жёлтых шаров. Забираю всё и плачу сразу. Плачу наличными.

– Что? – переспросил я.

– Сто! – повторил Степан.

Мозг стал без моего согласия подсчитывать барыш. Денег с лихвой хватило бы не только на операцию жене, но и на последующую реабилитацию. Как ни фантастично звучал рассказ Степана, деньги он предлагал большие. Даже если он и врал насчёт начинки шаров, то шанс заработать деньги упускать было бы жалко. Жёлтые шары и правда почти никого в Конторе не интересовали: две трети содержимого можно без опаски опустошить и будь что будет! Нынче совесть, честь и что там ещё Степан перечислял им вряд ли понадобятся, не те принципы жизни. Можно и рискнуть!

Ещё предполагая, что всё это розыгрыш, я поинтересовался у Степана:

– А зачем тебе они нужны, да ещё и в таком большом количестве?

– Раз уж мы теперь подельники, то есть партнёры, я раскрою тебе конечного покупателя, – прищурился Степан, перейдя на дружеское «ты».

Меня же от такой фамильярности передёрнуло.

– В некоторых европейских странах подобному хламу придают слишком большое значение. И это их погубит! –

щёлкнул пальцами Степан. – Впрочем, мне плевать на них! Более того, чем они гуманнее, тем слабее в борьбе с беспринципными. Так что, Сёма, ты ещё и Родине послужишь.

* * *

Автозак остановился у суда.

Под улюлюканье и угрозы вывели педофила. Остальные заключённые стали готовиться к выходу. Семён Григорьевич заторопился, ему хотелось выговориться не меньше, чем мне его дослушать.

– В моём представлении, Антон, служба Родине заключалась в ином. Мы были советскими людьми, нас воспитывали по-другому. Но мои принципы вместе с Советским Союзом остались в прошлом, поэтому я согласился! – будто оправдывался старый вахтёр.

– Деньги-то Степан отдал вам? – поинтересовался я.

– Представь себе, да! Всё до копейки, точнее, до цента. С ними-то меня и повязали, но удивительно другое...

Конвой назвал мою фамилию. Я встал. Пора было прощаться.

– Вы ещё удивить можете? Уж куда больше!

– Эта беспринципная гнида, Степан, ведёт моё уголовное дело, ты представляешь? Мне срок, а ему новые звёзды на погоны! Вот мразь!

– Как раз это мне и не удивительно, Семён Григорьевич.

Обычное для них дело, поверьте. Удачи вам и здоровья!

Я протянул ему руку. Он, торопясь, полез под свитер и снял с шеи ладанку. Конвоир снова выкрикнул мою фамилию. Из ладанки Семён Григорьевич выкатил на ладонь камушек размером с кедровый орешек. В тусклом свете автозака он переливался ярким перламутром.

– Возьми с собой, Антон, это подарок. Я сохранил одну начинку из жёлтого шара. Бери! – и он вложил в мою протянутую ладонь свой тюремный срок.

Возможно, и показалось, но перламутринка жгла мне руку.

– А из какого номера? – спросил я.

– Не знаю, Антон. Но точно из жёлтого шара, я только из них и доставал, синие-то пустые все. Удачи и тебе!

Я выпрыгнул из автозака, покатал ядрышко на ладони и проглотил. Улыбнулся охраннику и сделал шаг вперёд.

Операция «Айфон»

Однажды к нам в камеру подселили бывшего чиновника. С него-то всё и началось.

Желая заслужить расположение блатных сокамерников, чиновник сходу выложил на стол два блока «Парламента» – курите! «Смотрящему за хатой» понадобилось два дня плотного общения с «богатеньким Буратино», чтобы тот проспонсировал ещё и пару сумок с едой да крупную партию «запретов». Но если курицу гриль и шашлыки из ресторана нам доставили уже на следующий день, то с запрещёнными средствами связи всё было гораздо сложнее. Купить пару десятков телефонов было несложно. Но ведь они должны были ещё и как-то попасть на строго охраняемый спецобъект.

По сравнению с СИЗО «Лефортово», в котором я провёл два с лишним года, этот транзитный централ был для меня словно портовый город для откомандированного подводника. Суд и девятилетний приговор были позади, и я наконец-то отдыхал душой. Ел жареное мясо, мылся горячей водой, наслаждался тюремной «движухой». Днём ПВР (правила внутреннего распорядка), ночью АУЕ¹.

Кровеносная система любой «чёрной» тюрьмы – это доро-

¹ «Арестантский уклад един». Первоначальный вариант расшифровывался как «Арестантское уголовное единство». Сам термин в среде арестантов являлся камерным приветствием в малявах (письмах).

га. Это слово могло бы быть в кавычках, не будь оно действительно дорогой. Даже целой сетью дорог. Там были и свои автобаны с магистралями, и тупиковые ветви. И заторы с пробками, и спецгруза́ вне очереди. И даже карта дорог, называемая «глобус». «Нет дороги, нет и жизни», «дорога – это святое», «игра, дорога и общак – три основы „чёрного“» – меня окружила атмосфера бластной идеологии, и я, словно начинающий репортёр, с головой окунулся в когда-то параллельный для меня мир.

Днём я учился плести «коней» – канаты из шерстяного свитера и тёплых носков, ночью же толстые верёвки с носками для груза мы закидывали в верхние, нижние и боковые камеры – «славливались» с соседями. После наладки дорог начиналась «движуха». Во все стороны летели записки-малывы, груза́ обычные и «под ответственность», разгонялись по камерам чай-сигареты-конфетки, и до самого утра два «дорожника», одним из которых был я, вместе и по очереди стучали по трубам, тягали туда-сюда «коней», литрами пили крепкий чай, дабы не уснуть на ответственном посту. Я же заодно оттачивал английский, переписываясь с голландцем из соседней камеры.

Настал день спецоперации.

Мой сокамерник, рельефный и статный выпускник военной академии, помешанный на спорте и финансовых операциях со статьёй «мошенничество», с самого утра развёл в камере энергичную деятельность.

Для начала мы выкрутили лампу дневного света. В камере их было несколько, в одном из углов стало чуть темнее и только. Оба конца люминесцентной лампы мы обмотали промасленными тряпками и подожгли. Дождавшись, пока они прогорят, оба конца лампы окунули в ведро с холодной водой. Сухой треск лопнувшего стекла – и металлические контакты отвалились сами. Кусок губки на сплетённой верёвке и тёплая мыльная вода помогли мне отмыть изнутри стеклянную колбу от ртути. Получилось длинное прозрачное «ружьё».

Успешное начало операции было отпраздновано апельсиновым соком. Три пустых упаковки из-под сока мы разрезали вдоль, отмыли и аккуратно сшили друг с другом. Вышел узкий длинный жёлоб. Лафет для мини-пушки готов.

Из плотной бумаги свернули кульком небольшой волан, чуть толще диаметра стеклянной трубки. В качестве грузила внутрь бумажного конуса вставили мякиш хлеба и продели в него крепкую капроновую нить длиной метров шестьдесят. Снаряд для «застрела» готов.

Размотанную нить аккуратными волнами разложили в картонный жёлоб. Туда же легло и «ружьё» с воланом внутри. Одним концом жёлоб установили на решётке в открытой форточке.

Окна нашей камеры выходили прямо на забор с колючей проволокой. Между окнами и забором были какие-то хозпостройки, а сразу за забором высилась стройка. До неё было

метров пятьдесят.

Пока «смотрящий» за камерой обсуждал по телефону с поставщиками «запретов» последние технические вопросы, несостоявшийся офицер расхаживал по камере и глубоко дышал мехами своих лёгких. Так себя насыщают кислородом ныряльщики перед погружением в океан.

Со стороны долгостроя замигал фонарик. Это был сигнал для начала и ориентир для застрела. Все затаили дыхание. Момент истины. Сокамерник уверенно подошёл к «ружью», прицелился, и я вдруг увидел в нём туземного воина с духовой трубкой.

Грудь надулась колесом – ффух! – выдохнули мы всей камерой. Похоже, баллистику в академии он всё же изучал на отлично. До цели волан долетел с первой же попытки! Наступило тревожное ожидание. В любой момент к нам могли ворваться надзиратели, а то и самих поставщиков повязать милиция. За ними всегда шла охота. Иногда ловили, били, а то и возбуждали уголовные дела.

Ещё один сокамерник всё это время стоял возле двери – он чутко слушал звуки тюрьмы. Всё тихо. Со стройки дёрнули за нитку – можно тянуть. Аккуратно, метр за метром в камеру затащили капроновую нить, за ней показалась верёвка потолще. В сумраке поплыла над «запреткой» чёрная сумка. Я же вспоминал Лефортово с его запрещёнными пластиковыми ножами и ватными палочками для ушей.

Пара десятков дешёвых телефонов и несколько дорогих

смартфонов, среди которых мелькнул и айфон, – «груз дома». Уже через пять минут техники в камере словно и не было.

«Запреты» разошлись по тюрьме.

Путешествие в «столыпине»

С вещами на выход!

Овчарки. Автозак. Столыпинский вагон. Этап.

Мой километраж в «столыпине» – семь тысяч с небольшим. Москва – Ярославль – Кострома – Поназырево – Москва – и снова Ярославль – и вновь Поназырево – Киров – Тюмень – Мариинск – Кемерово. Шесть месяцев дорожных приключений.

Отправная точка – СИЗО «Медведково», Москва. Две недели ожидания, заветные слова «на выход!» и первый шаг в неизвестность. Атмосфера таинственности сопровождает эка весь его этапный путь. И хотя в личном деле осуждённого всегда стоит отметка о его конечном пункте назначения, но конвой делиться информацией не любит, и ореол таинственности сохраняется до последнего километра.

«Столыпинский» вагон – это уже фольклор. И пусть Столыпин к вагонзаку никакого отношения не имеет, но по пути в лагерь эки костерят именно его.

Удивительно, вагон с преступниками нередко цепляют к обычным пассажирским поездам. Сколько раз я путешествовал на воле поездом, но даже и подумать не мог, что где-то в конце состава едут столь необычные пассажиры. Едут, и ещё как!

Внешне вагон для спецконтингента мало чем отличается

от обычного. Разве что окна у него только с одной стороны, да и те непрозрачные и зарешеченные. Внутри же вагона всё те же купе, полки, туалет. И решётки, решётки, решётки...

В купе три этажа полок. Теоретически оно рассчитано на семь человек. Практически – забивается под два десятка. Между купе и коридором – решётчатая дверь с «кормушкой». Через неё зэкам передают кипяток для супа, каши и чая из сухпайка. Один «сухпай» на одни сутки следования. С голода не умрёшь, скорее лопнешь от переполненного мочевого пузыря.

В туалет конвой выводит не по желанию, а по такому же таинственному для всех расписанию. Страдающим от частых позывов не позавидуешь. Быть может, кто-то после длительных и громких просьб лишний раз и сходит в туалет, но ночью конвой делает вид, что спит, и на призывы бедолаг не реагирует. После того как мне однажды ночью пришлось мочиться в пластиковую бутылку, я перестал на этапе пить воду вообще. Кстати, не обмочить при этом собственные руки, а то и соседа – целое искусство. В бутылке надо прожигать два отверстия, для члена и выходящего воздуха, – умение приходит только с опытом.

Путешествие в «столыпине» начинается с досмотра личных вещей. А так как многие из осуждённых везут немалые баулы, то и шмон затягивается надолго. Каждого зэка выводят с его «сумарями» в отдельное купе, где он раскладывает по полкам свои вещички, чтобы чуть позже их снова запако-

вать. Зэкков много, конвой и сам не рад рутинной процедуре, и пачка «Винстона» нередко ускоряла мой досмотр.

Стучат колёса, балагурят зэки, кто-то аккуратно пускает табачный дым. Если закрыть глаза, особенно на станции, когда по громкой связи объявляют об отправлении поезда, то на миг можно почувствовать волю. Словно и не зэк, будто и не этап. Но стоит открыть глаза, и снова «столыпин». «Начальник! – кричит кто-то. – Когда кипяток будет?» «Начальник! В туалет идём? Припёрло!» «Начальник, куда едем-то?»

В соседнем купе женщины. Их ещё никто не видел – заводили последними, – но полвагона уже призналось им в любви. Слово за слово – познакомились, ориентируются по голосам. Женщины просят сигарет, конфет и кофе, мужчины – адресок, а кто-то, посмелее – показать мельком грудь по пути в туалет. Какая-то девушка затягивает песню, другая ей вторит, и разговоры в «столыпине» затихают. Голос глубокий, если прикрыть глаза и раствориться в песне, то как-то незаметно оказываешься дома, рядом с любимыми. Это чувство лелеет каждый арестант.

Песня оборвалась: какой-то зэк переборщил с циничным флиртом, и в его адрес понеслась столь жёсткая брань, что будь она из уст мужика, его бы уже приговорили. Но «с бабы спроса нет», и весь вагон увещевает женское купе, мирит всех друг с другом и спустя десяток минут ссоры будто и не было. Из девичьей «горницы» снова льётся песня.

Из точки А в точку Б, расстояние между которыми обыч-

ный поезд проходит за пару суток, зэки добираются и пару недель, и пару месяцев. Всё дело в транзитных централах. Логистика ФСИН обывательской логике неподвластна. Зэк может провести в какой-нибудь «транзитке» неделю, чтобы в какой-то момент услышать «с вещами на выход!» и вновь отправиться в долгий неуютный путь.

Вагон перецепляют от одного состава к другому, от второго к третьему. Между сменой поездов проходит и час, и два, и десять. Всё это время «столыпин» болтается в отстойниках или на запасных путях. К фирменным или скорым поездам его, как правило, не цепляют. Зэки терпеливо ждут. Им спешить некуда, но дорожные условия не самые комфортные.

Под конец пути я, уже бывалый, еду с шиком. У меня условно белое постельное бельё, тёплое одеяло, в наволочку я запикиваю шапку. В руках книга, рядом пенопластовый стаканчик с парой глотков кофе и шоколадная конфета. Утром на глазах у изумлённых попутчиков я «принимаю душ». Раздевшись почти догола, обтираюсь влажными бактерицидными салфетками. Если они не на спиртовой основе, то их в посылках пропускают. На этапе им цены нет. Некоторые зэки не выдерживают и просят поделиться «душем». Без проблем, братва, гигиена – святое!

Сибирь. Прибыли в Мариинск. Одни едут дальше в жуткий Красноярск, других пофамильно вызывают на выход. С сумками по узкому переходу, из вагона прыжок на землю. Всё под захлёб овчарок, натасканных на нас, на людей, на

бесправных полуграждан. Руки за голову, сесть на короточки, сумка рядом, смотреть в землю. Несообразительным или неспешным – пинок под зад, подзатыльник, оскорбление. Сидим, ждём.

До автозака несколько сот метров. Два десятка зэков пристёгнуты попарно ледяными наручниками к длинному тросу. Человеческая гусеница с сумками в руках медленно и неуклюже поплелась за конвоирами. Уже через пару минут позади взмолились девчонки. Джентльмены с синюшными наколками на пальцах тут же подхватили их баулы. Осилили дорогу с перекурами почти за час. Страдали не столько от тяжести сумок и холода, сколько от злых наручников, что оставляли на память о гостеприимной Сибири лиловые следы вокруг запястий.

А через неделю снова этап, и снова «столыпин». Ехать было недалеко, по области, и в купе набивали по максимуму. Сидели чуть ли не друг на друге, семнадцать человек. Где-то в глубине хрипел старик, просил свежего воздуха. «Крепись, дедуля!» – отвечал ему конвой.

Недавно я ехал уже вольным плацкартом. Сквозь дрему вдруг донёсся лай на полустанке. Вздвогнув, я осмотрелся и выдохнул – свобода, то был лишь сон! Но где-то там, в конце состава, я это чувствовал, какой-то человек мечтал о малом. О том, к чему я уже давно привык. Об окнах без решёток.

Чифирь

– Ты хотел бы поохотиться на негров? – спросил у меня случайный попутчик. – Легально.

Я сморщился, но Владимир Сергеевич продолжал:

– Только представь: старенький, но ещё крепкий пикап, в кузове удобное кресло, ты в нём крепко стянут ремнями, а в руках гашетка. Забрались на холм, осмотрелись, обнаружили цель и, крупным калибром: бум! бум! бум!

Наши этапные дороги пересеклись в древнем Ярославле, в не менее старой транзитной тюрьме. Её некоторые закоулки напоминали заброшенный психдиспансер с настежь распахнутыми толстыми дверьми и приваренными к стене койками над провалившимся полом. После относительно комфортных московских изоляторов контраст был резким. Чёрные шрамы выщербленного кирпича на фасаде и неожиданно огромное пространство внутри, с далёким, умчавшимся в темноту потолком, круговыми ржавыми лестницами вдоль рваных стен. Стрелы свободного солнца пронзали штукатурную пыль.

Официально здание было на капремонте, неофициально в нём пребывали этапники, то есть все мы. В каждой уважающей себя тюрьме есть особое место, неподконтрольное наблюдательным комиссиям и правозащитным структурам, – «сборка», или «отстойник». Когда арестант уезжает на суд

или следственный эксперимент, его сначала отводят из камеры на «сборку», где в ожидании поездки томятся такие же бедолаги. Измученного и задёрганного человека приводит назад автозак, и прежде чем он вернётся в «родную хату», он снова оказывается в «сборке». Зачастую не на один час.

Уже осуждённый и ещё более бесправный зэк едет в далёкий лагерь, проезжая несколько централов. И привет, «сборка»! После ожидания в транзитных камерах столыпинской оказии день-два-неделю зэк через «сборку» снова отправляется в путь.

В одних централах «сборка» помогает зэкам встретиться друг с другом – «словиться» и обсудить общие дела, передать что-то для кого-то, а то и наказать провинившегося арестанта. На иных же тюрьмах зэки боятся «сборки», как слепого от видеокамер и свободного от закона места, где с подозреваемыми могут делать всё то, на что у следователей не хватает смелости в своих кабинетах.

В глухом помещении с исписанными и разрисованными стенами, донельзя загаженным туалетом без ограждений, парой скамеек и мутной лампочкой под низким осыпающимся потолком зэков набивается под завязку. Одни выходят, других заводят, лица мелькают, и полнится «сборка» новостями о лагерной житухе.

У вентиляционных щелей нет шансов избавить тесную «сборку» от ароматов потных тел, векового табака и туа-

летней кислятины. Но уже через полчаса к запахам привыкаешь и можно даже перекусить.

Зэки сидят на скамейках, сумках, на «кортах», небрежливые грязнули – прямо на липком полу. Кто-то пытается ходить туда-сюда, но быстро успокаивается и стоит, рассматривает стены, словно доску объявлений: кто, сколько и за что схлопотал, кто куда едет и о чём мечтает. Старики дремлют, больные кашляют, украдкой схаркивая кровь, основная же масса этапников общается, меняется вещами и слухами.

По этапу в лагерь зэки едут пока ещё в вольной одежде. Пересыльные в казённой робе и фуфайках встречаются редко, и на них смотрят, как на уже хлебнувших каторжного опыта. Разговор о жизни в зоне с ними куда интереснее, но в глазах «бывалых» волчий блеск, и в собеседнике они зачастую видят лишь его качественные вольные вещи.

Я сидел на скамейке рядом со взрослым солидным мужчиной в бежевом двубортном пальто и с большой спортивной сумкой у ног. Бритое лицо, свежие стрелки на серых в полоску брюках и глянец остроносых туфель могли говорить как о щепетильности ещё не отвыкшего от воли человека, так и об его оперативной работе. Но к чему гадать: кто бы ни был твой случайный попутчик – следи за языком, больше слушай да смотри во все глаза, это и есть главное правило безопасной жизни молодого арестанта.

Владимир Сергеевич рассказывал мне о тёплой жизни в Аргентине и её автобанах, что лучше немецких, о вечно ве-

сёлых латиносах и неутомимых в любви мулатках. О легальной торговле в Европе джемом и нелегальной – кокаином. О неудачной попытке выйти на перспективный рынок России и неожиданном аресте. О беженцах из смытого цунами Гаити и небывалой возможности контрактной службы в погранвойсках Доминиканской Республики ради двухнедельного сафари на чернокожих нелегалов.

Я слушал его чудную историю вполуха и думал о том, как бы вежливо отвязаться от подозрительного наркобарона.

Вдруг от дальней стены выкрикнули:

– У кого-нибудь есть дрова?

Секундная тишина, и каждый снова занялся своим бездельем. Я извинился перед соседом и направился к двум зэкам, возившимся в стороне. На обоих болтались чёрные рубашки со светло-серыми полосками на плечах. Рядом на клетчатых худых баулах лежали скрученные фуфайки.

– Может быть, у меня есть, – сказал я им, – но что это такое, дрова?

Они переглянулись, и один из них, явив мне почерневшие обломки сгнивших зубов, поинтересовался:

– Ты сколько сидишь?

– Два года, – ответил я. – С хвостиком.

– И за два года ты не узнал, что такое дрова? – прищурился зэк.

Я пожал плечами.

– Ты где чалился-то? – спросил второй, весь усыпанный

сочными оспинами. – Чё за крытка?

– В Лефортово. Это...

– Понятно, – перебил меня беззубый, махнув рукой. – Дрова – это то, на чём мы ща будем чифирь поднимать. Простынь или харник хозовский есть?

– Харник?!

– Мля, тля! – покачал головой прыщавый. – Полотенце казённое.

Я кивнул и пошёл к сумкам.

– Ты здоровый? – донеслось в спину.

Я оглянулся и снова кивнул.

Вернулся я с комплектом постельного белья и советом от наркобарона не связываться с опасными «акулами».

– В рот компот! – засмеялся беззубый, увидев меня с охапкой «дров». – Давай сюда!

Бледно-синими от истлевших наколок пальцами одна простынь тут же была разорвана в длинные ровные клочья. Вторая же беззастенчиво перекидывалась в клетчатый баул «на потом». Наволочку отложили в сторону.

Беззубый достал закопчённую алюминиевую кружку, шерстяной носок и пакет с мелколистовым чаем. Ручка кружки была обмотана носовым платком.

Зэк набрал из-под крана воду и кинул несколько горстей чая. Получилось «с горкой». Пока он возился с кружкой, его «кореш» скрутил из полос ткани фитиль и достал спички. С нарочито серьёзной понтовитостью зэк одной рукой вынул

из коробка спичку, той же рукой ловко её и зажёл, подпалив следом фитиль.

Оба зэка сели на корточках. Беззубый натянул на руку носок, локтем упёрся в ногу и крепко стиснул кружку. Второй рукой он поддерживал напряжённую кисть. Его прыщавый товарищ поднёс ко дну пламя.

Зэки застыли. Казалось, они перестали дышать, медитируя на пламя. Но как только кончик фитиля подгорал, прыщавый выдёргивал пальцами с обглоданными ногтями чёрную окалину и поднимал фитиль, точно выдерживая расстояние от огня до кружки.

Металл нагревался всё сильнее. Мутная плёнка испарины покрыла лоб зэка. Шло время. Зэк не шевелился. Мои ноги затекли, я встал размяться, снова сел и через пару минут встал. Догорал уже третий фитиль. Беззубый закрыл глаза и сжал губы, в миг превратившись в сморщенного старика.

– Если огонь погаснет, – сипло сказал зэк с фитилём, – хана чифиру!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.